

Оставленіе Никономъ патриаршей каведры.

Обстоятельства при которыхъ произошло оставленіе Никономъ патриаршей каведры. Самъ Никонъ за разное время указывалъ и на разныя причины, почему онъ оставилъ патриаршество. Истинныя причины оставленія Никономъ патриаршества. Какъ смотрѣть на оставленіе Никономъ патриаршей каведры: было-ли оно искреннимъ, или только притворнымъ?

6-го іюля 1658 года государь Алексѣй Михайловичъ давалъ торжественный обѣдъ прибывшему въ Москву грузинскому царевичу Теймуразу. Ранѣе, на подобныя обѣды царя, обыкновенно приглашался и патриархъ Никонъ; но на этотъ разъ его не пригласили. Когда грузинскій царевичъ церемониально шелъ на царскій обѣдъ, окольникій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, по порученію государя, очищалъ предъ нимъ путь среди толпы, собравшейся поглазѣть на шествіе. Въ это время въ толпѣ случился патриаршій стряпчій, князь Димитрій Мещерскій, котораго за чѣмъ-то посылали патриархъ. Хитрово, разгонявшій толпившіяся народъ палкою, задѣлъ по головѣ князя Мещерскаго. Послѣдній, обращаясь къ Хитрово, сказалъ, какъ это передавалъ потомъ самъ Никонъ: „напрасно де бьешь меня, Богданъ Матвѣевичъ, — мы не приидохомъ здѣ просто, но съ дѣломъ“. Окольникій спросилъ Мещерскаго: „кто ты еси?“—Мещерскій отвѣтилъ: „патриаршъ человекъ и съ дѣломъ посланъ“.—На это Хитрово заявилъ: „не дорожися-де (патриархомъ) и ударилъ его по лбу и уязви его горко зѣло“. Мещерскій отправился къ Никону, плакалъ предъ нимъ и жаловался на побои Хитрово ¹⁾.

Случай съ княземъ Мещерскимъ Никонъ принялъ какъ кровную обиду себѣ лично. Его самолюбіе уже сильно стра-

¹⁾ Зап. рус. арх. общ. т. II, стр. 514.

дало отъ того, что государь не пригласилъ его, какъ обычно, на торжественный обѣдъ, а тутъ еще публичное оскорбленіе его стряпчему, съ обиднымъ публичнымъ заявленіемъ: „не дорожися патріархомъ“. Вспыльчивый, невыдержанный Никонъ сейчасъ же написалъ царю письмо, въ которомъ требовалъ немедленнаго удовлетворенія за обиду его стряпчему. Царь во время обѣда собственноручно написалъ Никону, что онъ—царь разслѣдуетъ это дѣло и лично увидится съ патріархомъ. Это царское письмо немедленно было отослано къ Никону съ стольникомъ Матюшинымъ. Но Никонъ не успокоился и заявилъ Матюшину, что желаетъ удовлетворенія именно сейчасъ, о чемъ посланный и доложилъ государю, который еще продолжалъ сидѣть за обѣдомъ съ царевичемъ. Тогда терпѣливый Алексѣй Михайловичъ, чтобы успокоить гнѣвливаго Никона, еще изъ за обѣда послалъ къ нему другое письмо съ тѣмъ же Матюшинымъ. Но Никонъ, прочитавъ это второе письмо царя, не только не успокоился, но капризно и съ угрозою заявилъ посланному: „волень-де Богъ и государь, коли-де мнѣ оборони не далъ, а я-де стану управливаться съ нимъ церковію“¹⁾.

8-го іюля въ Москвѣ съ особою торжественностію совершался праздникъ Казанской Божіей Матери, причемъ на всѣхъ службахъ этого праздника всегда бывалъ царь со всѣмъ своимъ синклитомъ, а самыя службы совершалъ патріархъ. Послѣдній, по обычаю, посылалъ приглашать царя къ службамъ. Но царь на этотъ разъ ни на одной службѣ не присутствовалъ. Никонъ увидѣлъ въ этомъ прямое пренебреженіе къ себѣ, публичное оскорбленіе царемъ его патріаршаго достоинства.

10-го іюля въ Успенскомъ соборѣ былъ праздникъ въ честь Ризы Господней, присланной царю Михаилу Федоровичу персидскимъ шахомъ. И на этомъ праздникѣ всегда бывалъ царь съ своимъ синклитомъ, но теперь онъ не только отказался присутствовать на вечернѣ и за всенощной, а прислалъ, послѣ заутрени, къ Никону князя Юрія Ромодановскаго, который заявилъ Никону: „царское величество гнѣвнъ на тебя и сего ради къ заутрени не прииде и ко святой литургіи ожидать не повелѣ“. Къ этому Ромодановскій

1) Гиб. I. 179.

отъ имени царя прибавилъ: „ты-де царское величество пренебрегль еси и пишешься великимъ государемъ, а у насъ единъ есть великій государь—царь“. На это Никонъ отвѣтилъ: „называюся азъ великимъ государемъ не собою: сице восхотѣ и повелѣ называтися и писатися его царское величество. И на сіе свидѣтельство имѣемъ мы: грамоты писаны царскаго величества рукою“. На это Ромодановскій возразилъ: „царское величество почте тебя, яко отца и пастыря, но ты не уразумѣлъ, и нынѣ царское величество повелѣ мнѣ сказать тебѣ: отнынѣ впредь не пишешься и не называешься великимъ государемъ, а почитать тебя впредь не будетъ“¹⁾.

Если бы Никонъ былъ человѣкъ сколько нибудь сдержанный и уравновѣшенный, если бы онъ сколько нибудь правильно понималъ свои отношенія къ государю и свое дѣйствительное положеніе въ государствѣ, то онъ, конечно, скрылъ бы свое личное неудовольствіе и обиду, постарался бы по времени видѣться съ царемъ, объясниться съ нимъ и уладить возникшія между ними недоразумѣнія, какъ это хотѣлъ и предлагалъ ему сдѣлать государь. Но Никонъ былъ слишкомъ невыдержанъ, гордъ и самолюбивъ, слишкомъ избалованъ постояннымъ необычнымъ вниманіемъ къ нему царя, чтобы хотя временно показать предъ нимъ свое архипастырское смиреніе и уступчивость. Никонъ вовсе и не думалъ смиренно идти на какіе либо компромиссы съ царемъ, а рѣшилъ дѣйствовать, какъ подсказывали ему его чрезмѣрное честолюбіе, его обиженная гордость: онъ рѣшилъ публично и торжественно отказаться отъ патріаршества, конечно въ тѣхъ видахъ, что царь снова всенародно и уничиженно будетъ молить его остаться на патріаршемъ престолѣ подобно тому, какъ царь ранѣе всенародно, плача и кланяясь до земли, молилъ его принять патріаршую кафедру.

10-го іюля, въ праздникъ Ризы Господней, Никонъ ранѣе велѣлъ принести въ Успенскій соборъ, гдѣ онъ служилъ. простую монашескую ряску, клобукъ и священническую палку. Въ концѣ литургіи, по заамвонной молитвѣ, онъ прочиталъ положенное поученіе и, обратившись къ народу, сталъ говорить о своемъ патріаршемъ недостоинствѣ, и въ заключеніе заявилъ, что болѣе онъ патріархомъ не будетъ, и

1) Зап. рус. арх. общ. т. II, стр. 515.

чтобы пасомые впредь патриархомъ его больше уже не называли. Послѣ этого Никонъ самъ снялъ съ себя патриаршее облаченіе и хотѣлъ было надѣть простую монашескую рясу, ранѣе припасенную, но власти не допустили его до этого, и онъ надѣлъ на себя черную архіерейскую мантию, черный клобукъ, взявъ въ руки клюку, и направился къ выходу изъ собора. Но народъ не пустилъ его, а послалъ къ царю доложить о случившемся въ соборѣ крутицкаго митрополита Питирима. Государь, выслушавъ докладъ Питирима, послалъ въ соборъ къ Никону своего знатнѣйшаго и уважаемаго боярина—князя Алексѣя Никитича Трубецкаго. Пришедши въ соборъ Трубецкой говорилъ Никону: „для чево онъ патриаршество оставляетъ, не посовѣтовавъ съ великимъ государемъ, и отъ чево гоненья, и хто его гонить? и что бъ онъ патриаршества не оставлялъ и былъ по прежнему. И патриархъ говорилъ: оставилъ-де я патриаршество собою, а ни отъ чево и ни отъ какаго гоненія, государева-де гнѣва на меня никакаго не бывало; а о томъ-де я и прежь сего великому государю билъ челомъ и извѣщаль, что мнѣ болши трехъ лѣтъ на патриаршествѣ не быть. И далъ мнѣ письмо (это письменное показаніе Трубецкаго), а велѣлъ поднести государю. Да со мною жъ приказывалъ, велѣлъ бить челомъ, что бъ государь пожаловалъ, велѣлъ дать ему келью. И просилъ я у него себѣ благословенія, и онъ меня не благословилъ, а говорилъ: какое-де тебѣ отъ меня благословеніе? Я-де недостойнъ патриархомъ быть; а будетъ же тебѣ надобно, и я-де тебѣ стану исповѣдать грѣхи свои. И я ему говорилъ: мнѣ до того какое дѣло, что твою исповѣдь мнѣ слушать, то дѣло не мое. И про то про все великому государю я извѣстилъ; и великій государь послалъ меня къ патриарху вдругорядъ, и то письмо велѣлъ ему, патриарху, отдать, и велѣлъ ему говорить, чтобъ онъ патриаршества не оставлялъ и былъ по прежнему; а келей на патриаршемъ дворѣ много, въ которой онъ похочетъ, въ той живи; и письмо ему я отдать. И патриархъ Никонъ сказалъ: уже-де я слова своего не перемѣню, да и давно-де у меня о томъ обѣщанье, что патриархомъ мнѣ не быть. И пошолъ изъ соборной церкви вонъ“¹⁾.

1) Дѣло о патриархѣ Никонѣ. Изд. археогр. ком. 1897 г., стр. 15.

Послѣ этихъ переговоровъ съ царемъ чрезъ князя Трубецкаго, Никону не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ выйти изъ собора, что онъ и сдѣлалъ, направившись уже не въ патріаршія хоромы, а на подворье своего Воскресенскаго монастыря, откуда онъ чрезъ сутки и переѣхалъ на жительство въ самый Воскресенскій монастырь, отстоящій отъ Москвы въ пятидесяти съ небольшимъ верстахъ.

Изъ приведенныхъ нами свѣдѣній объ обстоятельствахъ оставленія Никономъ патріаршаго престола совершенно не видно тѣхъ побужденій, которыя заставили Никона оставить патріаршество. Никонъ заявилъ Трубецкому, что онъ оставляетъ патріаршество собою, что ему ни отъ кого никакого гоненія и никакихъ обидъ не было, что онъ и ранѣе не думалъ быть патріархомъ болѣе трехъ лѣтъ, почему, не смотря на приглашеніе государя остаться патріархомъ по-прежнему, онъ твердо настаиваетъ на своемъ рѣшеніи отказать отъ патріаршей каѣдры. 10-го іюля Никонъ оставилъ патріаршество, а 12 іюля царь послалъ къ нему въ Воскресенскій монастырь того же князя Трубецкаго, которому Никонъ говорилъ: „а что поѣхалъ онъ съ Москвы вскорѣ, не извѣстя великаго государя, и вѣ томъ предъ великимъ государемъ виноватъ; а убоился того, что ево постигла болѣзнь, и ему въ патріархахъ не умереть; а впредь де онъ въ патріархахъ быть не хочетъ; а только-де похочу быть патріархомъ, проклять буду и анаема“¹⁾.

Впослѣдствіи Никонъ о причинахъ оставленія имъ патріаршества говорилъ не разъ и говорилъ не то, что передавалъ князь Трубецкой, а нѣчто другое и притомъ неодинаковое за различное время. Такъ въ письмѣ къ царю 1661 г. въ декабрѣ Никонъ заявляетъ, что такъ какъ государь не далъ ему удовлетворенія на его жалобу объ избіеніи патріаршаго стряпчаго князя Мещерскаго окольничимъ Богданомъ Хитрово, и такъ какъ онъ, Никонъ, вмѣсто удовлетворенія испыталъ только „тщеты, укоризны и уничиженіе неправедное“, то онъ и оставилъ патріаршій престолъ. На соборѣ 1666 года царь просилъ допросить Никона: „какой гнѣвъ и обида, и, чтобъ съ спрестола сшолъ, отъ него, великаго государя, къ нему, Никону, присылка была ли? И

¹⁾ Ibid. стр. 17.

бывшій Никонъ патріархъ сказалъ: „немилость-де великаго государя къ нему-то, что на околничего Богдана Матвѣевича недалъ оборони и къ церкви ходить не почаль; а присылки-де, чтобъ онъ съ престола сошелъ и патріаршество оставилъ, отъ великаго государя къ нему не бывало, а сошелъ-де онъ собою“ ¹⁾.

Итакъ, здѣсь Никонъ причиною оставленія имъ патріаршей каѳедры выставляетъ то единственное чисто случайное обстоятельство, что царь не далъ ему управы на Богдана Матвѣевича Хитрово, публично ударившаго патріаршаго стряпчаго князя Мещерскаго. Но, очевидно, эта причина была слишкомъ ничтожна сама по себѣ и ради нея, конечно, не стоило оставлять патріаршую каѳедру. Это хорошо понималъ Никонъ и потому въ другихъ случаяхъ, чтобы не показаться мелочнымъ и вздорнымъ человѣкомъ, постарался указать другія болѣе серьезныя причины оставленія имъ патріаршаго престола. Такъ, въ письмѣ къ Паисію Лигариду, въ іюнь 1662 года, Никонъ заявляетъ: онъ потому оставилъ патріаршую каѳедру, что царь сталъ гнѣваться на него, удаляться его, пересталъ ходить къ церковнымъ службамъ туда, гдѣ служилъ онъ, Никонъ, что „прислалъ къ намъ въ келію единаго отъ своихъ со многими неправедными словами поносными, и мы-то слыша его прещеніе и гнѣвъ безъ правды, помыслили дати мѣсто гнѣву, понеже стало быти не у чего,—судъ и всякая церковная управленія царская держава воспріять *и намъ быти стало не у чего*. И по совершеніи святой литургіи, елико достойно яже о себѣ, во святой церкви предъ Богомъ и всѣми людьми о всемъ засвидѣтельствовахомъ, и до царскаго величества посылалъ ключаря, да вѣсть о нашемъ отхожденіи, яко ничтоже Божіей церкви лукаво сотворихомъ, и се гнѣва ради твоего неправеднаго, повинуюсь евангельскому словеси: аще гонятъ васъ изъ града, бѣжите во инъ градъ“ ²⁾... Значитъ Никонъ, по этому его заявленію, оставилъ патріаршій престолъ не потому, что царь не далъ ему удовлетворенія за оскорбленіе его стряпчаго, и даже не потому только, что царь на него гнѣвается безъ правды, напрасно, но, главнымъ

¹⁾ Гиб. II, 1013.

²⁾ Ibid. I, 224.

образомъ, потому, что царь отнялъ у Никона и захватилъ въ свои руки весь церковный судъ и все церковное управленіе, такъ что патріарху не у чего стало оставаться и онъ, поэтому, оставилъ свой престолъ.

Въ своей грамотѣ къ константинопольскому патріарху Діонисію Никонъ заявляетъ, что когда царь не далъ ему удовлетворенія по дѣлу князя Мещерскаго, въ чемъ Никонъ увидѣлъ публичное поруганіе его патріаршаго сана, когда царь, вопреки обычаю, пересталъ ходить къ тѣмъ церковнымъ службамъ, которыя совершалъ Никонъ, когда прислалъ къ нему сказать, чтобъ онъ впредь не смѣлъ называться великимъ государемъ и царь почитать его болѣе не будетъ; тогда, говоритъ Никонъ, исповѣдавъ гнѣвъ царя предъ всѣмъ народомъ, „яко гнѣвается царь безъ правды, сего ради и въ церковное собраніе нейдетъ“, рѣшилъ удалиться въ пустынное мѣсто. На вопросъ же посланныхъ отъ царя: по какой причинѣ онъ оставляетъ патріаршій престолъ? отвѣчалъ: „даю мѣсто гнѣву царскаго величества, зане, кромѣ правды, его царскаго величества синклитъ, бояре и весь народъ, церковный чинъ небрегутъ и безчинія многая творять, а царское величество управы не даетъ, и въ чемъ мы печалимся, и онъ гнѣвается на насъ“ ¹⁾. Здѣсь Никонъ, кромѣ ранѣе отмѣченной причины—неправеднаго царскаго гнѣва на него, указываетъ новую причину оставленія имъ патріаршей каѳедры: что будто бы царскій синклитъ, бояре и весь народъ „небрегутъ церковный чинъ и творять многія беззаконія“, и когда онъ, какъ архипастырь, указывалъ царю на это прискорбное обстоятельство, „царское величество управы не даетъ“, и даже болѣе: сталъ гнѣваться за это на Никона, которому, въ виду, указанныхъ обстоятельствъ, ничего не оставалось дѣлать, какъ оставить каѳедру. Слѣдовательно, причины оставленія Никономъ патріаршей каѳедры были глубже и серьезнѣе, чѣмъ случайное оскорбленіе патріаршаго слуги окольникимъ Хитрово.

Еще болѣе обстоятельный и болѣе откровенный отвѣтъ объ истинныхъ, интимныхъ причинахъ оставленія патріаршей каѳедры Никонъ даетъ въ своихъ возраженіяхъ на вопросы Стрѣшнева и отвѣты на нихъ Паисія Лигариды. Въ

¹⁾ Зап. рус. арх. общ. II, 516.

своемъ возраженіи на 5-й вопросъ Никонъ говоритъ, что царь, на поставленіи его, Никона, въ патриархи, торжественно предъ всѣмъ народомъ, синклитомъ и освященнымъ соборомъ обѣщавъ неизмѣнно хранить заповѣди Божіи, всѣ церковные законы и правила, „и елико онъ, великій государь царь, поясняетъ Никонъ, поелику возможно пребываетъ въ своемъ обѣщаніи, повинуюся святѣй церкви,—и мы терпѣли. Егда же онъ, великій государь царь, измѣнился отъ своего обѣщанія, и на насъ гнѣвъ положилъ неправильно, якоже вѣсть, и мы, помня свое обѣщаніе о храненіи заповѣдей Божіихъ“, засвидѣтельствовавъ публично „о напрасномъ царевѣ гнѣвѣ“, оставили патриаршій престолъ и водворились въ пустынь. Тутъ же далѣ Никонъ заявляетъ, что еще во время литургіи онъ тогда изъ собора, съ своимъ діакономъ Іовомъ, послалъ письмо къ царю такого содержания: „се вижу на мя гнѣвъ твой умноженъ безъ правды, и того ради соборовъ святыхъ во святыхъ церквахъ лишаеши; азъ же пришелецъ есмь на земли; и се нынѣ, поминная заповѣдь Божію, дая мѣсто гнѣву,—отхожу отъ мѣста и града сего, и ты имаши отвѣтъ предъ Господомъ во всемъ дати“. 1).

Въ приведенныхъ словахъ Никонъ, какъ на единственнаго виновника своего невольнаго оставленія патриаршаго престола, указываетъ на царя: Никонъ потому именно оставилъ престолъ, что царь, обѣщавшійся, при поставленіи Никона въ патриархи, хранить всѣ заповѣди Божія, всѣ церковные законы и правила, измѣнилъ въ этомъ отношеніи своему торжественному и публичному обѣщанію, и, къ тому же, сталъ несправедливо гнѣваться на Никона, почему и вся вина оставленія послѣднимъ патриаршей кафедры исключительно падаетъ на царя.

Въ отвѣтъ на 17 вопросъ Никонъ увѣряетъ, что будто бы онъ, на вопросъ посланныхъ отъ царя—Рамодановскаго и Матюшина: зачѣмъ онъ уходилъ отъ патриаршества, отвѣчалъ такъ: „отъ не милосердія ево—царева иду съ Москвы вонъ, и пусть ему, государю, *просторнѣе безъ меня*, а то, на

1) Рукопись Моск. дух. академіи, № 218, содержащая въ себѣ возраженія Никона на вопросы Стрѣшнева и отвѣты Пансія Лигарида. Списокъ очень ценсправный. Т. 86 об.

меня гнѣваяся, и къ церкви не ходить, и про тотъ гнѣвъ всему государству вѣдомо, что онъ, гнѣваяся на меня, не приходилъ. А вселенстѣй величѣй церкви обидъ много стало, и божественныхъ заповѣдей Христовыхъ, и св. апостоль и св. отецъ правилъ, какъ обѣщаль на нашемъ поставленіи, не почаль соблюдать. А мы, на избраніи своего патріаршества, и сами обѣщались, съ клятвою и подписаніемъ руки своея, Божія заповѣди и св. апостоль и св. отецъ хранить. А онъ, великій государь, чрезъ божественныя правила судъ церковный отягль, насъ самѣхъ, и епископовъ, и аримандритовъ, и игуменовъ, и весь священническій чинъ велѣлъ своимъ приказнымъ людямъ судить¹⁾. И, нѣсколько ниже, Никонъ замѣчаетъ, что онъ ушелъ изъ Москвы потому, „что отъ гнѣва царева невозможно стало жить“.

Здѣсь Никонъ, кромѣ царскаго гнѣва на него, отъ котораго ему „невозможно стало жить“, указываетъ и новыя причины своего удаленія съ патріаршей каѣдры: обидъ много стало отъ царя всей вселенской церкви, царь, вопреки божественнымъ правиламъ, захватилъ церковный судъ и подчинилъ всѣхъ духовныхъ, начиная съ патріарха, суду своихъ мірскихъ приказныхъ людей. И еще: Никонъ и потому ушелъ съ патріаршества, „что-бъ ему, государю, просторнѣе было безъ него, Никона“. Смыслъ послѣдняго заявленія будетъ болѣе ясенъ и понятенъ изъ словъ Никона, заключающихся въ отвѣтъ на 26-й вопросъ. Здѣсь Никонъ пишетъ: „егда изволилъ Богъ Никону митрополиту быть на патріаршествѣ, и Никонъ митрополитъ усмотрѣвъ во царѣ, и великомъ князѣ порокъ, который противенъ евангельскимъ святымъ заповѣдямъ, или противно что святымъ апостольскимъ и отеческимъ правиломъ, и ему, Никону, по писанному во псалмѣхъ, не стыдящеся говорить о заповѣдяхъ Господнихъ и св. апостоль и св. отецъ правилѣхъ предъ цари и предъ бояры, а ему, государю царю, и государевымъ бояромъ, слушати во всемъ. И онъ, государь, и его бояра всѣ обѣщались во святѣй величѣй церкви предъ Господомъ Богомъ и пресвятою Богородицею и всѣми святыми и всѣмъ освященнымъ соборомъ, заповѣдей Христовыхъ и св. апостоль и св. отецъ правилъ слушати, и

¹⁾ Ibid. л. 131 об. 134 об.

ничтоже инако коею-либо тщетною хитростію, по преданію человѣческому и стихіямъ міра сего, мудрствовать. И отъ исперва убо былъ царь благъ и кротокъ и *послушливъ былъ*, и Никонъ на патріаршествѣ былъ. А какъ царь и великій князь развратился со святою соборною и апостольскою церковію, и святія заповѣди Божія, и св. апостоль и св. отецъ правила въ презрѣніе положилъ, и *Никона—патріарха не почалъ слушать*, но и укоряти неподобно“, тогда Никонъ оставилъ патріаршество, „дая мѣсто гнѣву царскому“. 1).

Здѣсь Никонъ выставляетъ и еще новую причину оставленія имъ патріаршества. По его объясненію дѣло стояло такъ: онъ подъ тѣмъ только непремѣннымъ условіемъ согласился сдѣлаться патріархомъ, если царь и бояре будутъ слушать его во всемъ, когда онъ будетъ говорить и настаивать предъ ними на точномъ храненіи и соблюденіи заповѣдей Божіихъ, правилъ св. апостоль св. отецъ. Они дали ему такое обѣщаніе, и въ началѣ царь дѣйствительно „*послушливъ былъ*“, т. е. во всемъ слушалъ Никона и во всемъ подчинялся ему, почему „*Никонъ на патріаршествѣ былъ*“. Но потомъ царь „*Никона—патріарха не почалъ слушать*“, и даже болѣе: сталъ его „*укорять неподобно*“, и тогда Никонъ оставилъ патріаршество. Значитъ, пребываніе или непребываніе Никона на патріаршей каѳедрѣ зависѣло единственно отъ послушанія или непослушанія царя Никону: слушаетъ царь Никона, — онъ остается патріархомъ, перестаетъ царь слушать Никона, начинаетъ дѣйствовать по своему, Никонъ оствявляетъ патріаршество.

Находясь, послѣ соборнаго лишенія сана, въ ссылкѣ въ Терапонтѣвъ монастырѣ, Никонъ, 21 декабря 1671 года, писалъ государю, что когда онъ, Никонъ, вопреки его желанію былъ избранъ и поставленъ патріархомъ, „я, вѣдая свою худость и недостатокъ ума, много разъ тебѣ билъ челомъ, что меня въ такое великое дѣло не станеть, но твой глаголъ превозмогъ. По прошествіи трехъ лѣтъ билъ я челомъ отпустить меня въ монастырь, но ты оставилъ меня еще на три года. По прошествіи другихъ трехъ лѣтъ опять тебѣ билъ челомъ объ отпускѣ въ монастырь, и ты милостиваго своего указа не учинилъ. Я, видя, что мнѣ челобитьемъ

1) л. 476.

отъ тебя не отбыть, началъ тебѣ досаждать, раздражать тебя, и съ патріаршаго стола сошелъ въ Воскресенскій монастырь“. 1) Въ приведенномъ позднѣйшемъ письмѣ къ царю Никонъ представляетъ дѣло своего ухода съ патріаршей каѳедры въ высшей степени оригинально, совершенно отлично отъ того, что онъ говорилъ по этому поводу ранѣе. именно: онъ теперь увѣряетъ, что будто бы всегда считалъ себя, по своей худости и недостатку ума, непригоднымъ для занятія патріаршей каѳедры, и если на это согласился, то единственно по настоянію царя и освященнаго собора, причемъ онъ, ставши патріархомъ, все-таки постоянно думалъ объ оставленіи патріаршей каѳедры и не разъ просилъ царя о своемъ увольненіи отъ партіаршества. Но царь рѣшительно отказывалъ ему въ этихъ ходатайствахъ. Тогда онъ желая во чтобы-то ни стало оставить патріаршую каѳедру и уйти въ монастырь, сталъ нарочно поступать такимъ образомъ, чтобы своимъ поведеніемъ въ концѣ раздражить царя, вывести его изъ терпѣнія и тѣмъ заставить забыть Никона.

Современники дѣло ухода Никона съ патріаршей каѳедры объясняли однако гораздо проще. Вятскій епископъ Александръ, напримѣръ, пишетъ государю: „многимъ мнится, благочестивый царю, яко сего ради кручиненъ былъ Никонъ, что на пиръ не званъ. Не сего-ли ради и дерзостно послалъ стряпчаго своего безобразно въ царскую твою палату, чрезъ волю твою государеву, гдѣ ему и быть не годится?“. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же епископъ замѣчаетъ: „Никонъ умъ погубя, оставилъ престолъ и ни кимъ гонимъ, гордости ради и гнѣва, остави власть, многа богатства вземъ, отъиде“ 2).

Такимъ образомъ самъ Никонъ, по разнымъ случаямъ и въ разное время не одинаково отвѣчалъ на вопросъ, почему онъ оставилъ патріаршество. Сначала—князю Трубецкому въ Успенскомъ соборѣ—онъ говорилъ, „что оставилъ патріаршество собою, а ни отъ чьево и ни отъ какова гоненія, и государева гнѣва на него никакаго не бывало;“ то заявлялъ—тому же Трубецкому въ Воскресенскомъ монастырѣ 12 іюля — что онъ оставилъ патріаршество, такъ какъ

1) Соловьева, т. XI, 385.

2) Матер. VII, 119, 127.

„убоялся того, что ево постигла болѣзнь и ему-бъ въ патріархахъ не умереть;“ то заявлялъ, что царь „не далъ ему обороны“ на Богдана Хитрово; или: что царь на него разгнѣвался и пересталъ ходить въ церковь туда, гдѣ служилъ Никонъ: то указывалъ причину оставленія имъ патріаршей каѳедры въ томъ обстоятельстве, что царь, бояре и народъ стали пренебрегать церковнымъ чиномъ и творить многія безчинія, а царь за это управы не даетъ; то увѣрялъ, что царь пересталъ соблюдать заповѣди Божіи, правила св. апостоль и св. отецъ, захватилъ себѣ весь церковный судъ, сталъ обижать святую вселенскую церковь, пересталъ слушаться Никона и даже началъ укорять его „неподобно;“ то наконецъ увѣрялъ, что онъ будто бы никогда не хотѣлъ быть патріархомъ и, сдѣлавшись имъ поневолѣ, подъ давлениемъ желанія царя, синклита и освященнаго собора, постоянно стремился оставить патріаршество, пока своевольнымъ удаленіемъ съ патріаршей каѳедры, не достигъ этой всегда желанной для него цѣли.

Очевидно не въ намѣреніяхъ и интересахъ Никона было указывать и точно формулировать истинныя причины неожиданнаго оставленія имъ патріаршества, почему въ разное время онъ и указывалъ на разныя причины. Понятно, что Никонъ, съ своей точки зрѣнія, имѣлъ серьезныя основанія поступать такимъ образомъ. Дѣло въ томъ, что Никонъ считалъ себя и дѣйствительно былъ великимъ государемъ, онъ дѣйствительно царилъ и въ церкви и въ государствѣ, и даже заслонялъ собою настоящаго царя. Онъ требовалъ отъ послѣдняго безусловнаго подчиненія себѣ во всѣхъ дѣлахъ церковныхъ, соблюденія всѣхъ правилъ св. апостоль и св. отецъ, постановленій благочестивыхъ византійскихъ императоровъ, всего церковнаго чина и всѣхъ церковныхъ постановленій. Но въ то время церковность была неразрывно связана со всею государственною, общественною и частною жизнію, проникая рѣшительно все и всюду, такъ какъ всѣ, начиная съ царя, хотѣли тогда строить свою жизнь согласно съ заповѣдями Божіими, правилами св. апостоловъ, св. отецъ и всѣми церковными узаконеніями. Въ виду этого Никонъ, требуя себѣ права контроля и опеки надъ церковностію и ея строгаго соблюденія всѣми въ жизни, въ существѣ дѣла присвоивалъ себѣ контроль надъ всею тогдашнею государ-

ственной, общественной и частною жизни, такъ что всѣ и во всемъ обязаны были подчиняться властнымъ требованіямъ и указаніямъ патріарха, человѣка къ тому же нетерпимаго, гордаго, самолюбиваго и очень суроваго и скорого на расправу съ тѣми, которые не подчинялись ему безусловно. Естественно, что постоянная, властно-настойчивая и очень стѣснительная архипастырская опека Никона, многимъ казалась тяжелымъ, невыносимымъ игомъ, переносить которое у многихъ не хватало силъ и терпѣнія. Царь сначала безприкословно подчинялся своему „собинному“, очень настойчивому и притязательному другу, который все болѣе входилъ въ роль опекуна и пѣстуна царя, всей государственной и общественной жизни, но потомъ, съ теченіемъ времени, благодушный и уступчивый обыкновенно Алексѣй Михайловичъ началъ тяготиться тяжелой патріаршей опекой, сталъ постепенно освобождаться изъ подъ властной тяжелой руки Никона, сталъ стремиться дѣйствовать самостоятельно, независимо отъ того, нравится или нѣтъ какой либо его поступокъ патріарху Никону. Никонъ подмѣтилъ измѣнившіеся къ нему отношенія царя и увидѣлъ въ этомъ измѣну царя, его отступленіе отъ праваго истинно-христіанскаго пути, такъ какъ прежнія—подчиненныя отношенія къ нему царя, признавалъ единственно нормальными и настоящими отношеніями благочестиваго православнаго царя къ духовному главѣ народа—патріарху. До крайности самолюбивый, неправильно представлявшій, какими должны быть его отношенія къ царю, Никонъ вовсе не думалъ мириться съ измѣнившимся положеніемъ дѣлъ, и держалъ себя по прежнему гордо и притязательно, какъ бы онъ и на самомъ дѣлѣ былъ великимъ государемъ, дѣйствительнымъ законнымъ контролеромъ всей государственной и общественной жизни и всей дѣятельности самого царя. Тогда, выведенный изъ терпѣнія притязательностію Никона, государь приказалъ сказать ему, чтобы онъ впредь не называлъ себя великимъ государемъ и что такимъ царь болѣе почитать его не будетъ. Никонъ, оказалось, не могъ ни отпарировать, ни съ достоинствомъ выдержать нанесенный ему ударъ, для этого у него не хватало ни нравственнаго мужества и благородства, ни характера и выдержки, ни должнаго христіанскаго смиренія, присущаго архипастырю церкви. Никонъ, по сво-

ему обычаю, сталъ бросаться изъ стороны въ сторону и чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе терялъ равновѣсіе и всякое благоразуміе. Онъ смотрѣлъ тогда на все совершавшееся только съ точки зрѣнія своего личнаго положенія, личнаго самолюбія, оскорбленный личной гордости. Онъ, предъ которымъ доселѣ все преклонялось: царь, бояре, архіереи и всѣ, который царилъ и въ церкви и государствѣ, давая тонъ и направленіе ихъ жизни, долженъ былъ теперь низойти на уровень обыкновеннаго зауряднаго подданнаго царя, долженъ былъ признать власть царя высшимъ для себя руководящимъ началомъ, наравнѣ съ другими подданными подчиняться всякимъ идущимъ отъ царя приказаніямъ, внушеннымъ можетъ быть даже личными врагами Никона, которыхъ у него было такъ много. При такомъ положеніи дѣлъ патріаршество, казалось Никону, только унижало его, дѣлало его жалкимъ въ глазахъ всѣхъ, привыкшихъ доселѣ видѣть его на недосыгаемой высотѣ, рядомъ съ царемъ и даже затѣнявшимъ, своею исключительною властію и мощію, послѣдняго. При такой настроенности Никона ему оставалось одно: или возстановить и закрѣпить свои прежнія отношенія къ царю, или же, если это невозможно, совсѣмъ отказаться отъ потерявшаго для него цѣну патріаршества. Не раздумывая долго, подъ вліяніемъ болѣзненно уязвленнаго самолюбія, Никонъ поспѣшилъ продѣлать извѣстную намъ сцену всенароднаго отрѣченія отъ патріаршества въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Конечно онъ при этомъ надѣялся, что царь придетъ въ соборъ и вмѣстѣ съ боярами и народомъ будетъ молить его остаться на патріаршествѣ. Но этого не случилось и Никонъ уѣхалъ на житье въ свой Воскресенскій монастырь.

Что причина удаленія Никона съ патріаршества заключалась дѣйствительно въ стремленіи царя ввести власть Никона въ должныя и потому болѣе узкія границы, что бы она нисколько не тѣснила и не затемняла царской власти, а была бы только вѣрнымъ слугою и работницею послѣдней и притомъ въ томъ только кругѣ дѣятельности, предѣлы и сферу которой укажетъ ей царская власть,—это видно изъ нѣкоторыхъ оброненныхъ Никономъ выраженій, когда онъ указывалъ на причины оставленія имъ патріаршей кафедры. Такъ онъ заявилъ, что потому ушелъ изъ Москвы, что бы

государю было „просторнѣе безъ меня“, чѣмъ Никонъ ясно призналъ, что будучи патріархомъ, онъ дѣйствительно стѣснялъ государя. Въ другомъ случаѣ онъ говоритъ, что пока царь, „послушливъ былъ и Никонъ на патріаршествѣ былъ“, а какъ скоро царь „Никона патріарха не почалъ слушать“, онъ оставилъ патріаршество, т. е. и здѣсь Никонъ признаетъ, что оставленіе имъ патріаршей каедры зависѣло единственно отъ того обстоятельства, что царь, ранѣе во всемъ послушный Никону, теперь пересталъ его слушать.

По поводу оставленія Никономъ патріаршества невольно возникаетъ вопросъ: дѣйствительно-ли Никонъ совсѣмъ хотѣлъ оставить патріаршество, или это было однимъ притворствомъ съ его стороны, рассчитаннымъ только на то, чтобы побудить этимъ царя приклониться предъ патріархомъ и признать его своимъ опекуномъ?

Если взять во вниманіе заявленія Никона въ Успенскомъ соборѣ 10-го іюля, и его заявленія вскорѣ послѣ оставленія имъ патріаршества, то, на основаніи ихъ, можно предположить, что онъ окончательно оставилъ патріаршество и о возвращеніи не думалъ. Такъ, по свидѣтельству, вполне согласному, всѣхъ лицъ, бывшихъ въ соборѣ 10-го іюля, и послѣ дававшихъ оффиціальныя показанія о событіи, Никонъ торжественно и окончательно отказался отъ патріаршества и всенародно заявилъ, что болѣе патріархомъ онъ уже не будетъ и чтобы впредь его не считали такимъ. Это вполне подтверждается и показаніемъ князя Трубецкаго, который 12 іюля былъ у Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ и отъ имени государя говорилъ ему, чтобы онъ, „кому изволить Богъ и Пресвятая Богородица быти на ево мѣсто патріархомъ, подавъ благословеніе, и церковь и домъ Пресвятыя Богородицы, покамѣста патріархъ будетъ, благословилъ бы вѣдать Крутицкому митрополиту“. На это предложеніе Никонъ отвѣтилъ: „а кого Богъ изволить и пресвятая Богородица и великій государь укажетъ быти на ево мѣсто патріархомъ, и онъ, патріархъ, благословляетъ, и великому государю бьетъ челомъ, чтобъ церковь Божія не вдовствовала и безпастырна не была, а церковь и домъ пречистыя Богородицы благословляетъ, покамѣста патріархъ будетъ, крутицкому митрополиту... А впредь-де онъ въ патріархахъ бытъ не хочетъ; а только-де я похочу бытъ патріархомъ,

проклять буду и анаема“. Въ письмѣ къ царю, въ іюль того же 1658 года, въ которомъ онъ проситъ царя простить его въ томъ, что онъ отправился изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь не дождавшись царскаго разрѣшенія и указа, Никонъ уже выражается о себѣ: „смирный Никонъ, бывший патріархъ“, при чемъ свой скорый отъѣздъ изъ Москвы объясняетъ своею болѣзнію: „многихъ ради своихъ болѣзней, пишетъ онъ, велѣлъ отвестися въ ваше государево богомолье въ Воскресенскій монастырь“. То же самое Никонъ подтвердилъ, 15 февраля 1660 года, посланнымъ къ нему отъ царя: Прокофію Елизарову и дьяку Алмазу Иванову. Онъ говорилъ имъ: „а что-де ему нарицатися патріархомъ, и онъ-де того имени не отрицался, только не хочетъ именоватися московскимъ, потому что престоль великія Росіи оставилъ своею волею, и къ великому государю съ бояриномъ со княземъ Алексѣемъ Никитичемъ Трубецкимъ и съ околничимъ Родіономъ Матвѣвичемъ Стрѣшневимъ онъ, патріархъ, приказывалъ, и тѣ слова и нынѣ держитъ непреткновенно, и то, что къ возвращенію на прежней святительскій престоль и въ мысли у него нѣтъ: какъ-де онъ тогда, оставляя престоль, благословилъ его, великаго государя, и весь освященный соборъ обирати патріарха, кого Богъ благословитъ, такъ и нынѣ-то благословеніе подтверждаетъ же, и связаннымъ всѣмъ, которымъ во отшествіе подалъ разрѣшеніе, такъ и нынѣ тѣхъ прощаетъ и благословляетъ“¹⁾.

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ оказывается, что Никонъ окончательно отказался отъ патріаршества и, въ первое время, вовсе не думалъ возвращаться на патріаршую кафедру, почему и благословлялъ государя и освященный соборъ избрать немедленно на его мѣсто новаго патріарха.

Къ сожалѣнію царь не воспользовался во время указаннымъ настроеніемъ Никона и опустилъ подходящій моментъ сразу и окончательно разрѣшить патріаршій кризисъ немедленнымъ избраніемъ новаго патріарха, а Никонъ, съ своей стороны, сталъ потомъ колебаться въ своемъ рѣшеніи окончательно оставить патріаршество, сталъ уже увѣрять въ томъ, что онъ отъ патріаршества не отрекался и даже сталъ заявлять притязанія вновь занять патріаршую кафедру.

¹⁾ Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 1—2, 14, 17.

Въ первый разъ, послѣ своего удаленія съ патріаршей каедры, Никонъ выступилъ на общественную дѣятельность, какъ ревнитель церковныхъ порядковъ, которые безъ него грубо, будто бы, стали нарушаться. Въ мартѣ 1659 года онъ обратился съ особымъ посланіемъ къ государю, въ которомъ заявляетъ, что „нѣкто дерзну сѣдалище великаго архіерея всея Росіи олюбодѣйствовати незаконно и непреподобно и святыхъ недѣли Ваиі дѣяніе дѣйствовати“, т. е. Никонъ здѣсь указывалъ царю на то обстоятельство, что будто бы старинное у насъ дѣйство хожденія на осляти въ недѣлю Ваиі, совершенное тогда крутицкимъ митрополитомъ Питиримомъ, было незаконно, такъ какъ это дѣйство, знаменующее торжественный входъ Христа на осляти въ Іерусалимъ, можетъ совершать будто бы только одинъ патріархъ, а не простой архіерей, и потому государь поступилъ неправо, дозволивъ совершить это дѣйство крутицкому митрополиту. Заявляя все это государю, Никонъ замѣчаетъ, что онъ дѣлаетъ это „ни собою, ниже къ возвращенію зря, яко песь къ своей блевотинѣ—къ любоначалию и власти, но жалѣя погибаемо добро и въ книги (къ книгамъ) обратившеса, помянули есмы нѣгдѣ писанное, яко не впадаетъ добрая мысль въ сердце челоувѣку, кромѣ Божія смотрѣнія“. Когда 17 мая того же 1659 года былъ у Никона, по порученію государя, дьякъ Дементій Башмаковъ, Никонъ между прочимъ говорилъ ему: „что власти его поставленники многіе и имъ-де его, патріарха, почитать доведется,... что онъ, Никонъ, хотя и оставилъ патріаршество своею волею и московскимъ не зовется и николи зваться не будетъ, но патріаршества не оставилъ и благодать остается при немъ“, при чемъ указывалъ на сдѣланныя имъ исцѣленія больныхъ ¹⁾.

Очевидно Никонъ не хотѣлъ уже оставаться спокойнымъ зрителемъ тогдашнихъ событій, а рѣшилъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла, мотивируя свое вмѣшательство ревностію къ сохраненію правыхъ церковныхъ порядковъ, которые-де съ его удаленіемъ, грубо нарушаются крутицкимъ митрополитомъ. Въ то же время Никонъ заявляетъ уже требованіе, чтобы архіереи, какъ его ставленники, почитали его и слушали, такъ какъ при своемъ ставленіи они дали ему ру-

1) Ibid. стр. 3—5. Гиб. I, 171—172.

кописное обѣщаніе слушаться его и почитать какъ своего отца.

Вмѣшательство Никона въ церковныя дѣла показывало, что онъ уже сталъ тяготиться своимъ уединеніемъ, своею полною отрѣшенностію отъ общественныхъ дѣлъ, что его снова потянуло къ публичной общественной дѣятельности и онъ уже не могъ болѣе оставаться спокойнымъ. Его особенно сильно угнетало теперь то обстоятельство, что онъ совсѣмъ удаленъ отъ царскаго двора, гдѣ такъ недавно онъ былъ первымъ лицомъ, пользующимся особымъ исключительнымъ положеніемъ и почетомъ. Въ его воображеніи невольно воскресали бывше роскошныя царскіе приемы и обѣды, которыхъ онъ теперь былъ лишенъ. Съ присущею ему несдержанностію Никонъ поспѣшилъ въ посланіи сообщить царю свое угнетенное настроеніе, свою крайнюю печаль и свое томленіе по поводу невольнаго отсутствія его на одномъ имяннинномъ обѣдѣ у царя. Въ іюль 1659 года Никонъ пишетъ про себя государю: „бѣ иногда во всякомъ богатствѣ и единотрапезенъ бѣ съ тобою (царемъ), не стыжуся о сихъ похвалитися, питанъ яко телець на заколѣніе толстыми многими пищаами, по обычаю вашему государеву, его же азъ много насладивъ, *вскортъ не могу забыть*: еже нынѣ іюля въ 25 день торжествовася рожденіе благовѣрныя царевны и великія княжны Анны Михайловны вси возвесилившесе о добромъ томъ рождествѣ насладившися. Единъ азъ, яко песь, *лишенъ богатыя вашей трапезы*; но и пси, по реченному, напITYваются отъ крупиць, падающей отъ трапезы господей своихъ. Аще не бы яко врагъ вмѣненъ, не бы лишенъ малого уломка хлѣба богатыя вашей трапезы“. Картинно изобразивъ свои томленія при воспоминаніи о роскошныхъ царскихъ трапезахъ, на которыхъ онъ уже болѣе не присутствуетъ, жалуясь на то, что онъ забыть, тогда какъ другіе пируютъ съ царемъ, Никонъ то уничиженно, то властно и учительно молить царя не гнѣваться на него—Никона. „Азъ пишу не яко хлѣба лишаяся, говоритъ онъ, но милости и любви истязая отъ тебе, великаго государя, и да не посрамишия и о сихъ отъ Господа Бога... А азъ егда не зѣло богатился нищетою, тогда паче и паче приумножена ваша милость... Самаго тебе молю, престани, Господа ради, туне гнѣваться; солнце, речеся, во гнѣвѣ вашемъ да не зайдетъ...

Азъ же нынѣ паче всѣхъ человѣкъ оболганъ тебѣ, великому государю, поношенъ и укоренъ неправедно; сего ради молю: претворися Господа ради и не дѣй мнѣ грѣшному немилосердія... Како не имати постыдѣтися глаголющаго: блажени милостивы, яко ти помиловани будутъ? Како имаша помилowanъ быти, самъ не бывъ милостивъ?... Господа ради молю, престани отъ таковыхъ! Аще и царь еси велий, отъ Бога поставленный, но правды ради. Чтожь ли моя неправда предъ тобою, что церкви ради суда на обидящаго просиль? И не точію судъ праведенъ получилъ, но и отвѣты полны немилосердія"... Такъ молилъ Никонъ царя перемѣнить гнѣвъ его на милость къ нему, но и въ письмѣ такого характера не могъ удержаться отъ гнѣвныхъ и укорительныхъ выраженій по адресу государя. „И дивлюся о семъ, пишетъ онъ царю, како вскорѣ въ такое дерзновеніе пришелъ еси, иже иногда страшился еси на простыхъ церковныхъ причетниковъ судъ наносити, яко же и святые законы не повелѣвають: нынѣ же всего міра иногда бывша аки пастыря восхотѣхъ грѣхи и тайнства видѣти, и не самъ точію, но и мірскимъ, имъ же дерзающемъ безстрашно не поставъ Господи во грѣхъ, аще не покаются? Вскую наша нынѣ судится отъ неправедныхъ, а не отъ святыхъ“¹⁾? Въ приведенномъ письмѣ Никона къ царю очень характерно то обстоятельство, что для него, послѣ оставленія имъ патріаршей каедры, особенно дорого было воспоминаніе не о покинутой имъ и осиротѣвшей съ его уходомъ церкви и паствѣ, а о царскомъ дворцѣ, о роскошныхъ царскихъ трапезахъ, на которыхъ онъ ранѣе упитывался „яко телець на заколение“. Не во имя блага церкви и пасомыхъ Никонъ уничиженно молить царя о прощеніи, а ради того, чтобы опять наслаждаться, вмѣстѣ съ другими, царскою обильною трапезою и близостью къ царю. Очевидно, такъ могъ писать Никонъ не какъ архипастырь и патріархъ русской церкви, а какъ царедворецъ, которому близки и дороги только интересы, тѣсно связанные съ близостью къ царскому двору.

Если вскорѣ послѣ оставленія патріаршей каедры Никонъ безъ всякихъ условій соглашался на немедленное избраніе

1) Ibid. стр. 6—12.

вмѣсто себя новаго патріарха, что бы церковь не вдовство-вала, то потомъ онъ уже стремится выборъ новаго патріарха возможно отдалить и затруднить, заявляя, что достоинство или санъ патріаршества онъ не оставлялъ, что благодать Св. Духа осталась при немъ по прежнему, такъ что безъ него правильное, законное поставленіе новаго патріарха не можетъ состояться. Въ мартѣ 1660 года царь послалъ къ Никону стольника Матвѣя Пушкина, который говорилъ ему, что онъ, Никонъ, ранѣе, чрезъ князя Трубецкаго, потомъ чрезъ Прокофья Елизарова и дьяка Алмаза Иванова, подалъ государю благословеніе избрать новаго патріарха, „кого онъ, великій государь, изволить“, и что бы теперь онъ объ этомъ отписалъ великому государю. Но теперь Никонъ уже не соглашался лично устраниваться отъ поставленія новаго патріарха, напротивъ настаивалъ на своемъ обязательномъ личномъ участіи въ этомъ актѣ. Онъ говорилъ Пушкину: „на такое дѣло, что патріарха поставитъ безъ него, онъ не благословляетъ; кому де ево, безъ него (т. е. Никона) патріарха, ставить и митру на него положить? потому что митру дали ему патріархи вселенскіе, а митрополиту де митру на новаго патріарха положить невозможно; да и посохъ де съ патріархова мѣста кому снять и новому патріарху дать? потому что де онъ, патріархъ, самъ живъ и благодать Святаго Духа съ нимъ; оставилъ де онъ престолъ, а архіерейства не оставилъ, про то де вѣдомо великому государю, что онъ и патріаршеской сакъ и амощоръ взялъ съ собою. Будетъ великій государь изволить ему, патріарху, быть къ Москвѣ, и по ево де, великаго государя, указу, онъ, патріархъ, новоизбранново патріарха поставитъ, и отъ великаго государя принявъ милостивое прощеніе и со архіереи простяся и подавъ всѣмъ благословеніе, пойдетъ въ монастырь“¹⁾.

Затѣмъ Никонъ пошелъ и далѣе. Онъ сталъ завѣрять, что будто бы онъ оставилъ патріаршество только на время, а не навсегда и что онъ готовъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, снова возвратиться на патріаршій престолъ. Въ частной бесѣдѣ съ своимъ доброжелателемъ, бояриномъ Никитю Зюзинымъ, Никонъ, на его вопросъ: „для чего съ престола своего онъ сшелъ и впредь ему быть ли? отвѣчалъ:

1) Ibid. стр. 19.

„сшелъ съ сердца, а впредь-де ему отчего не быть?“ Значить, своимъ близкимъ людямъ въ частныхъ бесѣдахъ Никонъ уже рѣшительно заявлялъ, что онъ оставилъ патріаршій престолъ не окончательно и что онъ непрочь возвратиться на него. Мысль о возвращеніи на патріаршество настолько сильно овладѣла Никономъ, что онъ, вопреки всѣмъ прежнимъ заявленіямъ о своемъ не желаніи быть патріархомъ, рѣшился на крайній поступокъ. Упомянутый доброжелатель Никона, бояринъ Зюзинъ, не разъ устно и письменно заявлялъ ему, что онъ напрасно оставилъ патріаршій престолъ и что ему слѣдуетъ возвратиться на него. На эти настоянія Зюзина Никонъ говорилъ ему: „по времени возвращусь, а ты пиши ко мнѣ и впредь о томъ пришествіи моемъ (на патріаршій престолъ)“. Подъ вліяніемъ этихъ рѣчей Никона, Зюзинъ составилъ цѣлый планъ возвращенія Никона на патріаршій престолъ. Онъ написалъ Никону особое письмо, въ которомъ сообщалъ ему, когда и какъ тому нужно пріѣхать въ Москву, какъ тамъ дѣйствовать, причемъ увѣрялъ, что будто бы царь искренно желаетъ его возвращенія на патріаршество, только не хочетъ выступать въ этомъ дѣлѣ открыто. Никонъ, уже мечтавшій теперь о своемъ возвращеніи на патріаршество, охотно повѣрилъ письму Зюзина и 18 декабря 1664 года неожиданно пріѣхалъ ночью въ Москву, во время утрени явился въ Успенскій соборъ и сталъ на своемъ патріаршемъ мѣстѣ, какъ это было въ прежнее время. Изъ собора Никонъ послалъ доложить о своемъ прибытіи государю, который немедленно пригласилъ къ себѣ бывшихъ тогда въ Москвѣ архіереевъ, а также комнатныхъ бояръ и, посоветывавшись съ ними, послалъ сказать Никону, что бы онъ возвратился въ тотъ монастырь, изъ котораго пріѣхалъ. Никонъ отвѣтилъ посланнымъ царя: „онъ сошелъ съ престола ни кѣмъ гонимъ, а нынѣ онъ пришелъ на свой престолъ ни кѣмъ зовомъ для того, что-бъ де великій государь кровь утолил и миръ учинилъ; а отъ суда де вселенскихъ патріарховъ онъ не бѣгаетъ, а пришоль-де онъ на свой престолъ по явленію. И давалъ мнѣ къ великому государю письмо“. Въ то же время Никонъ заявилъ посланнымъ государя, что пока онъ не получитъ отвѣта на свое письмо, „до тѣхъ мѣстъ изъ соборныя церкви не поидеть“. Очевидно, Никонъ придавалъ своему письму къ государю большое

значеніе. И дѣйствительно, оно очень характерно для его отношеній къ царю Алексѣю Михайловичу. Въ немъ Никонъ прежде всего заявляетъ, „что слыша смятеніе, и молву велику о патріаршескомъ столѣ: овѣи тако, нѣи инако глаголюще развращенная, и нѣсть ничто же истина, но каждо что хошетъ, то тотъ и глаголетъ“, рѣшилъ обратиться къ Господу, что бы Онъ извѣстилъ его, „чему подобаеть быти“. Въ теченіи пяти дней онъ подвергъ себя самому суровому посту: ни чего не ѣлъ, ни пилъ, „ни сну причащаяся, лежа на ребрехъ, развѣе утомився—сѣдѣвъ съ часъ въ сутки“; но все время неустанно молился со слезами, „вопіюще и плачуше, дондеже извѣститъ ми Господь Богъ, что суть подобаеть сотворити, и что суть годно Его святой воли“. И вотъ уже на пятый день, когда онъ отъ крайняго утомленія впалъ какъ бы въ легкій сонъ, Господь послалъ ему просимое видѣніе. Никонъ рассказываетъ: „видѣхъ се: обрѣтохся во святѣй соборной церкви, и видѣхъ свѣтъ великъ зѣло, обаче отъ живущихъ никого ту видѣхъ, но прежде бывшими лѣты усопшихъ святителей, и священниковъ, стоящихъ по сторонамъ, идѣже гроби прежде усопшихъ святыхъ отецъ—митрополитовъ и патріарховъ. Единъ же нѣкто святолѣпнень мужъ, сѣдиною честною доволенъ, или велми красень, браду имѣя густу велми, мало продолговату, во священныхъ святительскихъ одеждахъ вси стояху. Той же, вышешепомянутый святолѣпный мужъ, обходя по инымъ святымъ отцемъ, хартію и киноварницу съ киноваремъ обноситъ по всѣмъ святителямъ, они же вси подписують. Азъ же со страхомъ приступивъ къ носящему хартію и киноварницу, вопросихъ его, что сіе творите, подписующе руки на хартіи? Онъ же рече ми: о твоёмъ пришествіи на престолъ святой. Азъ рече: покажи ми, аще есть истина. Онъ же показа ми. И смотряхъ, и бысть тако. Азъ же паки рекохъ ему: ты подпишешилися? Онъ рече: подписахомся уже. И показа ми о себѣ написанное. Азъ смотривъ со вниманіемъ, и обрѣтшеса истина, написано полтретьи строки сице: смиренный Іона, Божією милостію митрополитъ, тако страхомъ Божіимъ подписую подобно естъ. Азъ же примъ дерзновеніе, пдохъ къ мѣсту. И хотящу ми взыти, обрѣтохъ святителя стояща на мѣстѣ, въ честныхъ одѣянъ архіерейскихъ одеждахъ, и ужасохся. Онъ же рече ми, не ужасайся, брате, яко

такъ воля Божія есть. Взыди на столъ свой и паси словесныя Христовы овцы, яже ти Господь поручилъ. И абіе невидимъ бысть. Азъ же утвердився, взыдохъ. Мню же святителя стояща—Петра чудотворца. Ей ей, тако ми Господь свидѣтель на се. Аминь“¹⁾.

Приведенный разсказъ Никона о бывшемъ ему 17 ноября 1664 года, чудесномъ видѣніи отъ Господа, показываетъ, что Никонъ, свое неожиданное возвращеніе на патріаршую кафедру хотѣлъ было обосновать на особомъ бывшемъ ему божественномъ видѣніи: онъ потому теперь неожиданно для всѣхъ возвратился на свой патріаршій престолъ, что такова была, открытая ему въ видѣніи, особая воля Божія, которой онъ понятно, не могъ ослушаться. Очень можетъ быть, что ранѣе Никону удавалось разсказами о подобныхъ видѣніяхъ вліять на царя, подчинять его своей волѣ и дѣлать его послушнымъ орудіемъ своихъ желаній. Но, на этотъ разъ, царь не выразилъ ни малѣйшей охоты повѣрить видѣнію Никона и сообразовать съ нимъ свое дальнѣйшее отношеніе къ нему. Царь, и по прочтеніи разсказа о видѣніи, снова рѣшительно отказался видѣть Никона и велѣлъ ему немедленно возвратиться въ свой Воскресенскій монастырь. И самъ Никонъ не устоялъ на сверхъестественныхъ мотивахъ своей попытки снова занять оставленный было имъ патріаршій престолъ, а сталъ объяснять все это дѣло уже просто и естественно. Князю Долгорукову, провожавшему его изъ Успенскаго собора за земляной городъ, онъ неожиданно сказалъ: „пріѣхаль-де онъ къ Москвѣ по вѣсти, а не собою“. Посланнымъ за нимъ, чтобы отобрать у него посохъ Петра митрополита, который онъ было увезъ изъ Успенскаго собора, Никонъ тоже заявилъ, что онъ поѣхалъ къ Москвѣ по особому письму къ нему Никиты Зюзина и передалъ имъ самое письмо. Въ то же время онъ говорилъ имъ, „что онъ къ Москвѣ пріѣхалъ и въ соборную церковь вошелъ на свой святительской поставленной престолъ“, такъ какъ онъ „оставилъ патріаршій престолъ *на время* за многое внѣшнее нападеніе и досадительства“. И въ другихъ случаяхъ, съ этого времени, онъ уже постоянно и рѣшительно сталъ заявлять и увѣрять всѣхъ, что никогда не отказывался окончательно

1) Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 122, 123, 197, 199.

отъ московскаго патріаршаго престола, а всегда имѣль въ виду, съ теченіемъ времени, снова занять его. Такъ въ грамотѣ къ константинопольскому патріарху Діонисію 1666 года Никонъ уже пишетъ: когда онъ, оставивъ патріаршество, уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь, посланные государемъ въ слѣдъ за нимъ бояре говорили ему: „чего ради ты, безъ царскаго повелѣнія, отшелъ съ Москвы?—И азъ рекъ имъ, пишетъ Никонъ Діонисію: яко не въ дальнія мѣста отшелъ: аще царское величество на милость положитъ и гнѣвъ свой утолитъ, *наки придемъ*, и, по семь, о возвращеніи нашемъ на престоль нашъ отъ царскаго величества ничево не было“. На соборѣ 1666 г., во время суда надъ нимъ, Никонъ заявлялъ: „я не отрекался престола, то-де на его затѣяли“. То же самое Никонъ говоритъ и въ своихъ возраженіяхъ на вопросы Стрѣшнева и отвѣты Паисія Мигарида. Приводя здѣсь письмо, какое онъ послалъ царю при своемъ отреченіи изъ Успенскаго собора съ діакономъ Ювомъ, Никонъ спрашиваетъ: „да которое се отреченіе?“ т. е. говоритъ, что въ его письмѣ къ царю вовсе не было отреченія отъ патріаршества, а онъ только заявлялъ въ немъ, что въ виду не-праведнаго гнѣва на него царя, онъ оставляетъ мѣсто и городъ,—объ отреченіи же не говоритъ ни слова. Въ другомъ мѣстѣ своихъ отвѣтовъ онъ говоритъ, что онъ не отрекался отъ престола, а только ушелъ изъ Москвы, всенародно засвидѣтельствовавъ несправедный гнѣвъ на него царя, между тѣмъ какъ „государь царь, заявляетъ Никонъ, принуди сказати *то мое свидѣтельство отречаніемъ*, и многими пытками страшалъ—велѣли сказывать, какъ ему, государю, годно“. Выходитъ, по позднѣйшему показанію Никона, что все дѣло объ его отреченіи отъ патріаршества придумано государемъ, который даже употребилъ насиліе и застрашиванія, чтобы только заставить свидѣтелей говорить, что Никонъ, оставляя Москву, отрекся отъ патріаршества, чего въ дѣйствительности однако будто бы не было ¹⁾).

Изъ сказаннаго нами оказывается, что Никонъ, всенародно отрекшись отъ патріаршаго престола, въ пылу гнѣва и неудовольствія на государя, если сначала и думалъ серьезно

1) *ibid.* стр. 127, 143. Зап. рус. археол. общ. т. II, стр. 517. Гиб. II, 1974. Рукоп. нач.ей Академіи № 218, л. л. 86 об., 131 об.

и навсегда отказаться отъ престола, то думалъ такъ недолго и скоро сталъ мечтать о своемъ возвращеніи на патріаршество, сталъ увѣрять, что его удаленіе было не отреченіемъ, а только временнымъ отъѣздомъ изъ Москвы вслѣдствіе гнѣва государя. Онъ даже хотѣлъ снова овладѣть престоломъ съ помощію неожиданнаго захвата, ошибочно думая, что царь желаетъ его возвращенія на патріаршество и что его захватный поступокъ будетъ принятъ царемъ съ сочувствіемъ и одобреніемъ. Но когда царь приказалъ ему сказать, чтобы онъ немедленно возвратился туда, откуда пріѣхалъ, и чтобы онъ ждалъ прибытія вселенскихъ патріарховъ въ Москву, куда позовутъ тогда и его, а что ранѣе видѣться ему съ царемъ нельзя, Никонъ убѣдился, что дѣло его съ возвращеніемъ на патріаршество окончательно проиграно и что московскимъ патріархомъ ему никогда болѣе не быть. Теперь вполне отрезвившійся отъ своихъ несбыточныхъ мечтаній и надеждъ Никонъ рѣшился окончательно и формально отказаться отъ всякихъ притязаній на занятіе патріаршаго престола, но при томъ такъ, что бы себѣ лично создать возможно почетное, матеріально-богато-обеспеченное, и во всѣхъ отношеніяхъ ни отъ кого независимое, положеніе.

Въ январѣ 1665 года Никонъ письменно выразилъ рѣшительное согласіе навсегда отказаться отъ патріаршаго престола и соглашался на поставленіе новаго патріарха, если государь съ боярами и освященный соборъ примутъ слѣдующія предложенныя имъ условія; а) Оставить за Никономъ три построенныя имъ монастыря: Воскресенскій, Шверскій и Крестный со всѣми приписными къ нимъ монастырями и при томъ такъ, чтобы онъ свободно и сколько захочетъ могъ жить въ любомъ изъ этихъ монастырей. б) Грамоты государевы и всѣ крѣпостные акты, утверждающіе всякія владѣнія за его монастырями, какіе сейчасъ находятся у государя, или еще на утвержденіи, передать ему—Никону. в) Царь долженъ отдать въ личное владѣніе Никона тѣ имѣнія, какія онъ ранѣе купилъ на свои деньги, пожалованныя ему за заслуги государству, когда онъ былъ новгородскимъ митрополитомъ и самоотверженно боролся тогда съ бунтовщиками. г) Изъ патріаршихъ доходовъ, которые онъ, Никонъ, „своимъ промысломъ“ увеличилъ тысячь

на двадцать, „давать мнѣ, вмѣсто милостыни, на пропитаніе хлѣба и рыбы и денегъ на потребу“, сколько укажетъ государь, синклитъ и освященный соборъ. д) Просить отдать ему нѣкоторыя патріаршія облаченія и именно тѣ, какія онъ, будучи патріархомъ, сдѣлалъ изъ бывшихъ ему подношеній отъ царя и царицы, а также просить дать ему митру, паннагію и под. е) Ни въ судъ, ни въ хозяйство, ни въ управленіе Никономъ монастырями новый патріархъ никакъ не долженъ вступаться ни самъ, ни чрезъ своихъ посланныхъ,—единственнымъ полнымъ хозяиномъ, судьей и управителемъ въ своихъ монастыряхъ долженъ быть только онъ—Никонъ. Точно также только по своему усмотрѣнію онъ можетъ избирать и посвящать во всѣ свои монастыри и принадлежащія имъ церкви архимандритовъ, священниковъ и діаконовъ. ж) Просить надѣлать настоятелей трехъ имъ основанныхъ монастырей нѣкоторыми церковными преимуществами, на примѣръ: правомъ являться на церковные соборы, быть свободными отъ всякаго свѣтскаго суда. и) По смерти Никона его монастыри должны быть приписаны „къ царствующему граду Москвѣ во область, а не въ домъ патріаршъ“, т. е. желалъ, чтобы его монастыри были самостоятельными, а не патріаршими. і) Просить дать полную свободу всѣмъ желающимъ приходить къ Никону „и милостыню подати не возбранити“ к) Царь долженъ дозволить ему, когда это нужно, пріѣзжать въ Москву, и если ему случится быть на соборѣ „ради пользы“, то ему сидѣть подъ настоящимъ патріархомъ, выше всѣхъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ. л) Его имя обязательно должно писаться „въ степени святѣйшихъ московскихъ патріарховъ“ т. е. московскимъ ему не именоваться, а писаться: „смирный Никонъ, Божію милостію патріархъ“. м) Всѣмъ такъ или иначе пострадавшимъ за него дать полную свободу.—Въ замѣнъ выговариваемыхъ себѣ правъ и преимуществъ Никонъ беретъ на себя такія обязательства: а) Держать заповѣди Христа, Его святое евангеліе, заповѣди и правила св. апостолъ и св. отецъ седми вселенскихъ соборовъ и помѣстныхъ, признаваемыя церковію святыхъ книги и уставы, символъ, исправленный съ греческаго, служебникъ, требникъ и прочія книги „справлены съ старыхъ съ греческихъ святыхъ книгъ“, и имѣть единеніе съ вселенскими патріархами „во всемъ не-

отложно“. б) Во всякія духовныя дѣла московскаго государства ему не вступаться. в) Когда онъ будетъ, по какому нибудь случаю, прїѣзжать въ Москву, онъ обязуется согласовать свое поведеніе съ указомъ государя и съ совѣтомъ новаго патріарха. г) Онъ беретъ на себя обязательство: такъ какъ онъ ранѣе на царя, синклитъ и освященный соборъ „судъ Божій износилъ“, то теперь онъ станетъ молить Господа, „чтобы царствующему граду Москвѣ не быть осуждену паче Содома и Гомора“. д) Архіереямъ, подвергшимъ его—Никона своему суду „беззаконно, чрезъ вся божественныя правила, мѣтъ тожъ прощеніе дати и разрѣшити святымъ молитвословіемъ, кто о томъ станетъ каяться и прощенія просити; аще ли кто не покается, и онъ будетъ подъ заповѣдію Божію“. е) „Честный синклитъ—бояре, кои злословили насъ безъ правды и клеветали на насъ великому государю смертными винами, якожъ: Семень Лукьяновичъ Стрѣшневъ вопросы своими газскому митрополиту, и Романъ Баборыкинъ и Иванъ Сытинъ и прочіи вси, каждо самъ свою совѣсть вѣдая, и поищутъ прощенія и намъ тѣхъ разрѣшити и благословити“; а которые обидѣли его—Никона въ житейскихъ вещахъ движимыхъ и недвижимыхъ, съ тѣми устроить полюбовное соглашеніе, а которые и послѣ сего будутъ обижать и дѣлать зло, на тѣхъ „да будетъ божественная юза не разрѣшима“. ж) Ивана Щепоткина, обидившаго Никона при расчетѣ за купленную у Щепоткина мѣдь, и за это Никономъ проклятаго и подъ проклятіемъ умершаго, простить и разрѣшить, если его прикасчики устранять прежній неправый расчетъ. з) Никонъ проситъ: „а противу сего нашего изображенія всего, да дастся и намъ писаніе отъ царскаго величества, и отъ честнаго царскаго синклиту, и отъ священнаго собора—во свидѣтельство всякія правды“. и) Въ заключеніе Никонъ говоритъ, что если новый патріархъ будетъ поставленъ вопреки божественнымъ канонамъ и заповѣдямъ и предлагаемымъ имъ условіямъ, только „по власти міра сего“, то такъ поставленный патріархъ будетъ не настоящій, но прелюбодѣй и хищникъ, „и вмѣсто мира да будетъ мѣчь Божій и раздѣленіе. по словеси Господню: не придохъ вложить миръ, но мечъ“²⁾.

¹⁾ Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 210—221.

Такъ Никонъ, рѣшивъ окончательно оставить всякія притязанія на занятіе имъ патріаршаго престола и соглашась на избраніе себѣ преемника, хотѣлъ создать себѣ положеніе почетное, независимое и матеріально богато обеспеченное. Онъ хотѣлъ имѣть свой собственный, ни отъ кого независимый и довольно значительный удѣлъ, въ которомъ бы онъ былъ единственнымъ, полновластнымъ и безконтрольнымъ хозяиномъ, судіею и управителемъ, сохранивъ въ то же время за собою почетный титулъ патріарха. Въ то же время въ своихъ условіяхъ Никонъ прямо даетъ знать, что предъ нимъ были виноваты всѣ: царь, который безъ правды на него гнѣвается; бояре, которые на него злословятъ и клеветуютъ государю; архіереи, которые, вопреки канонамъ и божественнымъ заповѣдямъ, составили для суда надъ нимъ незаконный соборъ; разныя отдѣльныя лица, которыя приходили съ нимъ по разнымъ случаямъ, въ столкновеніе и которыхъ онъ за это подвергъ проклятію,—всѣхъ этихъ виновныхъ предъ нимъ лицъ онъ однако теперь прощаетъ и разрѣшаетъ, но только въ томъ случаѣ, если они сами будутъ искать у него прощенія и разрѣшенія, иначе пусть остаются подъ проклятіемъ.

Предлагая свои условія, на которыхъ онъ готовъ былъ окончательно отказаться отъ патріаршаго престола и признать вновь избраннаго патріарха, Никонъ думалъ этимъ предупредить, между прочимъ, пріѣздъ въ Москву восточныхъ патріарховъ для суда надъ нимъ. Онъ говорилъ: „будетъ ему, великому государю, годно, для чего посылать ко вселенскимъ патріархамъ, мочно то дѣло сдѣлать и безъ вселенскихъ патріарховъ“, и послалъ царю свои вышеприведенныя условія. Но расчетъ Никона оказался ошибочнымъ: онъ слишкомъ запоздалъ съ заявленіемъ о своей окончательной рѣшимости не стремиться болѣе къ занятію патріаршаго престола,—его дѣло рѣшено было передать на судъ восточныхъ патріарховъ. Впрочемъ присланныя Никонѣмъ условія Алексѣѣ Михайловичъ все-таки передалъ на предварительное разсмотрѣніе однимъ русскимъ іерарховъ, которые и высказали по этому поводу свои соборныя сужденія и соображенія. Онѣ дошли до насъ только въ черновомъ спискѣ и важны въ томъ отношеніи, что ярко рисуютъ намъ возрѣнія, какія имѣли тогда русскіе архіереи на свои от-

ношенія къ Никону, его дѣлу и разнымъ его притязаніямъ.

Соборъ, разсматривая и обсуждая условія Никона, на которыхъ онъ окончательно отказывался отъ всякихъ дальнѣйшихъ притязаній на патріаршій престолъ и соглашался на избраніе новаго патріарха, призналъ приемлемою только нѣкоторую часть изъ нихъ, и при томъ приемлемою съ очень важными и существенными ограниченіями, сильно сокращавшія права и преимущества, выговариваемыя для себя Никономъ. Такъ соборъ призналъ, чтобы Никонъ владѣлъ тремя построенными имъ монастырями: Воскресенскимъ, Иверскимъ и Крестовымъ, но всѣ приписанные къ нимъ Никономъ монастыри—числомъ 16, взятые у разныхъ архіереевъ, должны быть опять возвращены въ тѣ епархіи, изъ которыхъ они взяты, и по прежнему подчинены мѣстнымъ архіереямъ. „Приписнымъ же монастырямъ, говорили на соборѣ, быти по прежнему во всемъ, какъ который монастырь былъ до приписки къ святѣйшему патріарху. А отъ нынѣ святѣйшему Никону патріарху ими не владѣти... А довлѣтъ святѣйшему Никону патріарху на пропитаніе его и на всякую тѣлесную потребу строенія его монастырей вотчинами, въ нихъ же жити ему опредѣлится, и владѣти внѣшними имѣньми тѣхъ монастырей“. На требованіе Никона, что бы ему изъ доходовъ патріарха выдавалась извѣстная часть денегъ, хлѣба и рыбы, соборъ заявляетъ, что безъ новаго настоящаго патріарха онъ ничего не можетъ присудить Никону изъ патріаршихъ доходовъ, да едва ли, замѣчаетъ соборъ, это и нужно, такъ какъ доходовъ съ трехъ богатыхъ, построенныхъ Никономъ, монастырей, вполне достаточно для его пропитанія, ибо, по апостолу: „имуще пищу и одежду, сими довлѣмся. Хотящїи бо богатитися, поучаетъ соборъ Никона, впадаютъ въ искушенія и сѣти и пожеланія многа непотребная и вреждающая“. На заявленіе Никона, чтобы царю по прежнему жаловать Никона своею царскою милостію, соборъ говоритъ, что это зависить исключительно отъ воли государя и въ томъ конечно только случаѣ, если Никонъ „къ великому государю и къ святѣйшему патріарху настоящему будетъ покоренъ во всемъ по Господь Божѣ, и не начнетъ каковыхъ мятежей и смущеній творити каковымъ либо образомъ“. Соборъ твердо и очень опредѣ-

ленно выразилъ ту мысль, что Никонъ, какъ отрекшійся отъ патріаршаго престола, уже не можетъ быть болѣе самостоятельнымъ или независимымъ архіереемъ: ни въ духовныхъ дѣлахъ, ни въ судѣ надъ своими монастырями, ни тѣмъ болѣе въ поставленіи и посвященіи въ своихъ монастыряхъ и вотчинахъ архимандритовъ, священниковъ и діаконовъ, а обязанъ все дѣлать съ разрѣшенія и благословенія новаго настоящаго патріарха, которому онъ, наравнѣ съ другими архіереями, обязанъ во всемъ безусловнымъ повиновеніемъ. „Святѣйшему Никону, патріарху бывшему Московскому, говоритъ соборъ, святѣйшаго патріарха настоящаго Московскаго и всея Русіи сослужителемъ не именовати, но имѣти его и именовати его архипастыря и начальника и старѣйшину, и подчинятися ему во всемъ, и безъ воли его и безъ благословенія въ царствующемъ градѣ, или гдѣ индѣ, не точію что чрезъ божественныя законы, но еще что и по божественнымъ законамъ безъ совѣта и велѣнія ничтоже творити, но вся ему дѣяти по указу великаго государя и по благословенію святѣйшаго патріарха московскаго и всея Росіи, яко же и прочія архіереи вся дѣлають по благословенію его“. Въ виду этого соборъ разрѣшаетъ, напримѣръ, пріѣзжать Никону въ Москву, но только всякій разъ онъ долженъ заручиться на пріѣздъ согласіемъ царя и патріарха, „а безъ указу великаго государя и безъ благословенія святѣйшаго патріарха къ Москвѣ ему не приходити“. Никонъ требовалъ, чтобы новый патріархъ въ его монастыри, вотчины и села, во всякія суды, церковныя дѣла, хотя бы и касавшіяся духовныхъ лицъ, совсѣмъ не вмѣшивался. На это соборъ отвѣчаетъ: „кійждо есть долженъ свою мѣру вѣдати и въ своихъ предѣлахъ и повелѣнныхъ ему священными кононы пребывати“. Патріархъ долженъ вѣдать всю свою паству безъ всякихъ исключеній, а слѣдовательно и Никонъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ и поступкахъ долженъ ему подчиняться, ибо двухъ равноправныхъ архіереевъ въ одной епархіи быть не можетъ. Въ виду этого соборъ постановляетъ: „а которое дѣло духовное въ которомъ его монастырѣ и прилучится, и ему къ тѣмъ архіереемъ, которой монастырь или вотчина котораго архіерея области подлежитъ, и описыватися по ихъ совѣту и велѣнію: аще повелятъ то творити, да творить; аще же не восхоцеть описатися, или

опишется, но архіерей аще будетъ ему не повелить что своея области творити, и святѣйшему Никону патріарху отнюдь безъ ихъ велѣнія ничтоже творити смѣти, яко же выше священная правила законополагаютъ, и яко самъ общася“. Никонъ можетъ и посвящать въ своихъ монастыряхъ и вотчинахъ архимандритовъ, священниковъ и дьяконовъ, но не иначе, какъ предварительно снесшись или съ патріархомъ, или съ тѣмъ епархіальнымъ архіереемъ, въ епархіи котораго находится тотъ или другой его монастырь или вотчина, и только съ ихъ разрѣшенія и благословенія онъ можетъ совершать посвященіе, а никакъ не своею волею и усмотрѣніемъ. Никонъ обѣщался держать всѣ церковныя преданія и книги, исправленныя съ старыхъ греческихъ книгъ и исправленный при немъ символъ. Соборъ вмѣстѣ съ этимъ вмѣняетъ еще Никону въ обязанность принимать и всѣ тѣ книги, какія исправлялись и будутъ исправляться послѣ него съ греческихъ книгъ, а также: самому и въ своихъ монастыряхъ всегда поминать первымъ новаго московскаго патріарха. На требованіе Никона, чтобъ его духовнаго чина лицъ не привлекали въ мірскія судилища, соборъ отвѣтилъ довольно неопредѣленно и уклончиво, именно: „о семъ соборно како священныя правила уставша и царстін законы повелѣша, обычай російскаго государства держится о прочихъ архіереехъ и монастырехъ, тако и о святѣйшемъ Никонѣ патріархѣ и монастырѣ его и монастырей его всякихъ начальниковъ да держится твердо во всемъ“. Никонъ просилъ, чтобы къ нему былъ свободный доступъ всемъ лицамъ, которыя только пожелають приходитъ къ нему или ради благословенія, или чтобы подать ему милостыню. Соборъ на это заявляетъ, что онъ „не возбраняетъ христіаномъ къ нему приходити, дондеже не будетъ каковой мятежъ и соблазнъ“, т. е. соборъ не вѣрилъ, очевидно, въ дальнѣйшее спокойное пореденіе Никона и допускалъ въ дальнѣйшемъ возможность появленія отъ поведенія Никона „мятежа и соблазна“.

Но особое вниманіе собора обратили на себя тѣ пункты въ условіяхъ Никона, въ которыхъ онъ говоритъ объ устройствѣ своихъ отношеній къ царю, боярамъ, освященному собору и къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ упоминаемымъ имъ лицамъ. Эти пункты въ условіяхъ Никона даютъ поводъ со-

бору русскихъ іерарховъ высказать свой истинный взглядъ на Никона, какъ архипастыря русской церкви и иногда болѣе задѣваютъ его самолюбіе, столь чувствительное всегда и къ малѣйшимъ уколамъ.

Никонъ въ своихъ условіяхъ говорилъ, что такъ какъ онъ ранѣ „судъ Божій износили“ на царя, синклитъ и освященный соборъ, то теперь онъ будетъ молить Господа, „что бы царствующему граду Москвѣ не быть осуждену паче Содома и Гомора“. По этому поводу соборъ разсуждаетъ: когда Никонъ былъ Московскимъ патріархомъ, то въ своихъ писаніяхъ нерѣдко уподоблялъ себя Моисею, „только кротости его неподража“. Моисей молилъ Бога за согрѣшившій предъ Нимъ народъ израильскій и лучше желалъ быть изгнаннымъ изъ книги живота, нежели видѣть свой народъ за его грѣхъ наказаннымъ Господомъ. Между тѣмъ Никона не только никто не обижалъ, „но вси почитаху его и покоряхуся ему во всемъ, яко самому Христу, и честь ему отдаваху паче прежде его сушихъ патріарховъ російскихъ“. А между тѣмъ онъ самъ произвольно бросилъ свою паству безъ скольконибудь достаточныхъ причинъ и упорно не хотѣлъ возвратиться на патріаршій престолъ, хотя всѣ его молили не покидать своей паствы. Въ виду этого, говоритъ соборъ, „ни на кого же ему подобаше, точію на свое упорство, Господу Богу жаловатися, и судъ Божій изнести; невинныхъ же въ отшествіи его не кляти: на зло бо молящагося и праведнаго Богъ не слушаетъ. Аще бы ему въ чесомъ пасомыхъ имъ кто и погрѣшилъ, и ему, яко пастырю, подобаше не кляти, но, по Моисею, Господа Бога молити и душу свою за паству положить“. Никонъ, бывшій патріархъ, говоритъ соборъ, „по своей страсти кляше, и долженъ есть Господа Бога молити, да не вмѣнится сіе ему въ грѣхъ“. Далѣе соборъ говоритъ: „сотвори патріархъ Никонъ дерзость, еже прахъ отрясе моляшеся,—оному праху, отрясенному отъ ногъ его, быти въ осужденіе царствующему граду Москвѣ паче Содома и Гомора. И таковыя дерзости никто же сушихъ прежде святѣйшаго Никона патріарха сотвори гдѣ, аще и истинно изгнаніе подъя кто, или не пріять кого кій градъ или весь“. Никонъ самовольно, безъ всякой уважительной причины, оставилъ свой престолъ и паству, но потомъ, „многोजе лѣта минувъ по отреченіи своемъ, восхотѣ паки

власти и славы міра сего, ниже извѣстивъ о себѣ, ниже совѣтовавъ, или моливъ царя и соборъ, пріиде внезапно пощю, и въ мірѣ молву и смущеніе велие сотвори... Подобаеть ему о своемъ дерзновеніи каяться и молитися Господу Богу... А еже метлу вѣкую нареченную имъ (явившаяся тогда комета) молится въ отмщеніе обидящимъ его,—и о семъ прирече священный соборъ: подобаше святѣйшему патріарху Никону, яко ученику Владыки Христа, молитися за творящихъ ему обиду, о оставленіи грѣховъ, яко же самъ Владыка нашъ Христосъ научи, рекъ: заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга... любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, благословите клянущая вы, молитесь за творящихъ вамъ обиду. Святѣйшій Никонъ патріархъ, возшедь на совершенный степень архіерейскій, не вспомянулъ заповѣди Божія, глаголющія: мое мщеніе Азъ воздамъ. Моляше законопреступно бывшей въ то время звѣздѣ, юже наречеть метлою, быти обидящимъ его во отмщеніе. Его же обида—кто чимъ его пообидѣ?—невѣдома, а точію аще не самъ себе обидитъ“...

По поводу клятвы Никона на Ивана Щепоткина, у котораго Никонъ взялъ 500 пудовъ мѣди, а Щепоткинъ разсчитался за взятое у него не такъ, какъ хотѣлъ и желалъ Никонъ, соборъ учительно заявляетъ: „священный соборъ судилъ ту клятву патріархову на Ивана быти суетну и зѣло безмилостиву и грѣшну ему, патріарху: зане, яко же свидѣтельствуеть и самъ святѣйшій патріархъ, взялъ Иванъ за свою мѣдь, а мѣдь взялъ у него патріархъ... Хотя бы и впрямъ Иванъ чемъ патріарховымъ завладѣлъ, и ему (Никону) было подобаше писати о томъ къ прикащикомъ Ивановымъ, дабы ему долгъ его возвратили, а кляти отнюдь не подобаше, и душу, кровію Христовою отъ клятвы искупленною, за малую тлѣнную ничтоже сущую вещь, клятвѣ предавати и вѣчно губити. И то неправедно, за ево бо, Иваново, имѣніе, ево, Ивана, прокля. Аще бы и весь міръ пріобрѣлъ, душу же погубилъ, или отщетилъ ничто же дастъ въ замѣну за душу оу“.

Въ заключеніе соборъ, приводя заявленіе Никона: „аще-ли чрезъ вся божественныя каноны и заповѣди и любовный союзъ сбудется, еже о патріаршествѣ, по власти міра сего, то да не наречется по правдѣ патріархъ, но яко прелюбодѣи и

хищникъ, и вмѣсто мира да будетъ мечъ Божій и раздѣленіе“,—дѣлаетъ такое постановленіе: царь всегда, при избраніи патріарха, дѣйствуетъ совмѣстно съ освященнымъ соборомъ, а не единолично. Равно и освященный соборъ требуетъ, съ своей стороны, помощи у царя при избраніи патріарха. И теперь царь и освященный соборъ думаютъ избрать патріарха „не кромѣ божественныхъ каноновъ, но яко же священная правила повелѣваютъ, и обычай россійскаго государства есть рукополагати своимъ архіереемъ патріарха согласіемъ и благословеніемъ святѣйшаго вселенскаго патріарха Константинопольскаго; а власти мірскія (кромѣ священныхъ) никогда же избираху, ниже избирають“. Что же касается „любовнаго союза“, о которомъ говоритъ Никонъ, то соборъ по этому поводу наставительно поучаетъ его: „любовный же союзъ сице имать быти: аще святѣйшій Никонъ патріархъ будетъ святѣйшему престольному патріарху московскому во всемъ покоренъ, и имя его будетъ вездѣ самъ и сущихъ подъ нимъ монастырехъ и церквахъ всѣхъ въ первыхъ поминать, и имѣти его будетъ архипастыря и старѣйшину, и не будетъ каковыхъ мятежей и молвъ и смущеній каковымъ либо образомъ творити,— святѣйшій настоящій патріархъ будетъ его, патріарха Никона, любить и жаловати и почитати, яко прежде бывшаго брата своего. Аще же святѣйшій Никонъ патріархъ святѣйшаго настоящаго патріарха имя въ первыхъ не будетъ поминати, или почитати и имѣти его архипастыря и старѣйшину, и начнетъ въ чемъ либо не покорятися ему, или каковыя молвы и смущенія и мятежи каковымъ либо образомъ, собою или людьми, творити,— и святѣйшій патріархъ настоящій святѣйшаго Никона патріарха долженъ и судити по священнымъ правиламъ, да не будутъ два патріарха равныя себѣ; и тѣмъ не наречется прелюбодѣй и хищникъ, но пастырь, пасый жезломъ силъ: данною ему властію не покаряющихся ему и отвращающихся отъ него; послѣдующихъ же ему, пасый духомъ кротости“¹⁾).

Приведенными постановленіями собора русскихъ іерарховъ, всѣ мечты и надежды Никона создать себѣ, послѣ окончательнаго оставленія имъ всякихъ притязаній на патріаршую кафедру, почетное, матеріально богато обезпеченное и во

¹⁾ Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 222—246.

всѣхъ отношеніяхъ ни отъ кого независимое положеніе, какъ бы какаго владѣтельнаго князя, были въ конецъ разрушены. Соборъ сильно сѣзнулъ и урѣзалъ матеріальныя претензіи Никона, отнявъ отъ него всѣ ранѣ приписанныя имъ къ своимъ владѣніямъ разныя монастыри, совсѣми ихъ землями и угодыми, и отказалъ ему въ выдачѣ изъ патріаршихъ доходовъ денегъ, хлѣба и рыбы. Отцы собора признали монастыри и всѣ другія владѣнія Никона въ духовныхъ дѣлахъ подчиненными не ему, а общему обычному надзору настоящаго патріарха, и даже не дали ему права самостоятельно и единолично ставить въ своихъ владѣніяхъ архимандритовъ, священниковъ и дьяконовъ, требуя, чтобы онъ и въ этихъ случаяхъ каждый разъ обращался съ особою просьбою о разрѣшеніи поставить священное лицо или къ патріарху, или къ мѣстнымъ архіереямъ, смотря потому въ чьей области находится тотъ или другой его монастырь, или приходская церковь. Наконецъ, и что самое главное: относительно самого Никона соборомъ твердо и рѣшительно было заявлено, что хотя за Никономъ и остается титулъ патріарха, но этотъ титулъ однако не даетъ ему никакихъ особыхъ правъ и преимуществъ, ни тѣмъ болѣе какой либо церковной самостоятельности и независимости по отношенію къ дѣйствительному патріарху: Никонъ не есть его сослужитель, а лицо строго во всемъ ему подчиненное; — для него настоящій патріархъ, какъ и для всѣхъ другихъ архіереевъ, есть архипастырь, начальникъ и старѣйшина, безъ совѣта и повелѣнія котораго онъ не можетъ сдѣлать ни въ какихъ церковно-духовныхъ дѣлахъ ни одного самостоятельнаго шага;—за всякое своевольное уклоненіе отъ воли и повелѣній настоящаго патріарха, Никонъ всегда можетъ быть отданъ послѣднимъ подъ судъ. Въ то же время соборъ, въ своихъ сужденіяхъ по поводу различныхъ предложеній Никона, въ общемъ и въ частностяхъ, очень невыгодно освѣщаетъ личность Никона, какъ архипастыря русской церкви. Никонъ изображается въ соборныхъ дѣяніяхъ человѣкомъ очень несправедливымъ, крайне запальчивымъ и дерзкимъ, проникнутымъ величайшимъ самоувѣніемъ и самочиніемъ, способнымъ въ самой архипастырской своей дѣятельности руководствоваться слишкомъ не архипастырскими мотивами и побужденіями, способнымъ даже производить въ народъ своими,

страстями внушенными, дѣйствіями и поступками мятежи, смущенія и соблазны. Въ виду этого соборъ по отношенію къ Никону принялъ учительно-наставительный и обличительный тонъ, и въ своихъ сужденіяхъ поучаетъ Никона заповѣдямъ и ученію Христа, которыхъ онъ мало держался въ своей архипастырской дѣятельности, поучаетъ его, каковъ долженъ быть по своимъ нравственнымъ качествамъ, характеру и отношеніямъ къ своимъ пасомымъ истинный архипастырь церкви, какимъ во многомъ не былъ Никонъ.

Понятно само собою, что соборныя обсужденія тѣхъ условій, на которыхъ Никонъ окончательно отказывался отъ всякихъ дальнѣйшихъ своихъ притязаній на патріаршій престолъ и соглашался на поставленіе новаго патріарха, должны были произвести на Никона самое тяжелое и удручающее впечатлѣніе. Онъ ясно увидѣлъ теперь, какъ враждебно относятся къ нему уже не бояре и противники его церковной реформы, но и самые архіереи, изъ которыхъ многіе были его ставленники, ранѣ послушные малѣйшему его мановенію, постоянно трепетавшіе предъ нимъ и не смѣвшіе сказать даже слова, если видѣли, что оно негодно и непріятно всемогущему, несдержанному на расправу патріарху. Теперь, бывшіе его низжайшіе и безгласные богомольцы и послушники, смѣло и громко заговорили, обличая публично его, Никона, въ несоблюденіи заповѣдей и ученія Господа, въ его не архипастырскомъ дерзкомъ поведеніи, и больно давали ему чувствовать его теперешнее опальное положеніе и свою настоящую силу предъ нимъ, которая давала имъ возможность, гордаго и самовластнаго Никона, низвести на уровень обыкновеннаго подчиненнаго другому, его мѣсто занявшему патріарху, безъ воли и разрѣшенія котораго онъ не можетъ сдѣлать ни одного самостоятельнаго шага, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, попасть подъ судъ, какъ и всякій обычный нарушитель воли высшаго начальства. Естественно было поэтому ожидать, что Никонъ никакъ бы не согласился съ соборными о немъ сужденіями и постановленіями и постарался бы всячески имъ противодѣйствовать. Но согласія на соборныя постановленія никто отъ него и не потребовалъ, постановленія собора не вошли въ законную силу и не получили никакого практическаго значенія, такъ какъ дѣлю о Никонѣ рѣшено было передать на судъ самихъ

восточныхъ патріарховъ, которые уже ѣхали для этаго въ Москву. Но справедливость требуетъ однако замѣтить, что какъ ни сурово отнесли русскіе іерархи къ своему бывшему для нихъ очень тяжелому патріарху, все-таки они оставили за Никономъ титулъ патріарха, право жить въ построенныхъ имъ монастыряхъ, управлять ими, пользоваться и распоряжаться всѣми получаемыми ими значительными доходами, право засѣдать на соборахъ, если и ниже настоящаго патріарха, то выше всѣхъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ. Иначе чѣмъ русскіе архіереи-собратья, отнесли потомъ къ Никону, прибывшіе для суда надъ нимъ въ Москву, греческіе вселенскіе патріархи.

Такимъ образомъ отреченіе Никона отъ патріаршества въ дѣйствительности имѣло только демонстративный характеръ, а не было настоящимъ, серьезнымъ отреченіемъ. Этимъ демонстративнымъ актомъ Никонъ хотѣлъ только съ блескомъ возобновить свои прежнія пошатнувшіяся отношенія къ царю, хотѣлъ заставить послѣдняго по прежнему во всемъ подчиняться ему—Никону, имѣть его главнымъ совѣтникомъ и руководителемъ во всей его царской дѣятельности. Никонъ былъ убѣжденъ, что онъ такъ нуженъ и необходимъ для царя, что тотъ никогда не рѣшится съ нимъ разстаться и отказаться отъ его услугъ и совѣтовъ. II, повидимому, Никонъ имѣлъ свои основанія такъ думать. Какъ мы знаемъ, Никонъ, еще ранѣе 1658 года, уже два раза просилъ Алексѣя Михайловича разрѣшить ему оставить патріаршество и отпустить его въ монастырь, но каждый разъ царь рѣшительно отказывалъ ему въ этомъ ходатайствѣ. Естественно было думать Никону, что и теперь, т. е. въ 1658 году, царь не отпуститъ его съ патріаршаго престола и, можетъ быть, даже придетъ въ Успенскій соборъ, вмѣстѣ съ своимъ синклитомъ, молить его, чтобы онъ попрежнему оставался патріархомъ. Когда же Никонъ увидалъ, что онъ ошибся въ своихъ расчетахъ на исключительную, неизмѣнную привязанность къ нему царя, и что царь вовсе не думаетъ возвращать его на патріаршую кафедру, тогда онъ сталъ употреблять свои мѣры, чтобы такъ или иначе опять возвратить себѣ оставленный было имъ патріаршій престолъ и даже не остановился, какъ мы видѣли, предъ захватнымъ способомъ. Но потерпѣвъ и на этомъ пути рѣшительную

неудачу и окончательно убѣдившись, что ему уже болѣе никогда не быть московскимъ патріархомъ, Никонъ рѣшилъ было остаться хотя бы только титулярнымъ патріархомъ, но блестяще матеріально обставленнымъ и занимающимъ въ церковной іерархіи очень почетное и независимое положеніе. Но достигнуть этого ему не удалось, и онъ долженъ былъ потомъ, изъ блестящаго и могучаго, царившаго въ церкви и государствѣ всероссійскаго патріарха, превратиться въ простаго, и при томъ ссыльнаго, монаха Никона.

Н. Каптеревъ.
